

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 30 іюня 1914 г. № 2322

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 30 іюня 1914 г. № 2322

„Чайка“ въ Александринскомъ театрѣ.

И. П. Потапенко хорошо знакомъ съ исторіей постановки на сценѣ чеховской „Чайки“. Онъ заботился о перепискѣ экземпляровъ, о переговорахъ съ цензурой и т. д. О постановкѣ пьесы онъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, печатающихся въ польскихъ номерахъ „Нивы“.

Авторъ воспоминаній споритъ съ А. П. Чеховымъ относительно оценочности „Чайки“, находя, что сцена предъявляетъ къ писателямъ много законныхъ требованій, которымъ они должны подчиняться или не пользоваться сценой. А. П. этого рѣшительно не признавалъ. Онъ утверждалъ, что никакихъ оскотовъ не нужно. Въ жизни нѣтъ сюжетовъ, въ ней все пережито — глубокое съ мелкимъ, великое съ ничтожнымъ, трагическое съ комическимъ. Онъ считалъ, что драматурги просто загнили и порабощены рутинной, съ которой никакъ не могутъ разстаться. Театръ требуетъ новыхъ формъ. „Нужны новыя формы, новыя формы“, — часто повторялъ А. П.

Основной репертуаръ въ Александринскомъ театрѣ составлялся заранѣе, но бенефициры могли право выбирать для себя пьесу. Если бенефисъ получалъ актеръ восторженнѣйшій, то онъ иногда, ради хорошаго сбора, жертвовалъ своимъ авторскимъ сюжетомъ и, отказываясь отъ подходящей для себя роли, старался выдать за имени первой актрисы или автора пьесы. Тутъ случилось послѣднее. „Чайка“ была поставлена въ бенефисъ Леонидовой, для которой въ пьесѣ не было со-

этомъ не было бы ничего обиднаго. Но тутъ было иначе.

Во время представленія, зрители первыхъ рядовъ демонстративно поворачивались спиной къ сценѣ, громко разговаривали со знакомыми, шипѣли, свистали.

Само собою разумѣется, что актеры реагировали на такое поведеніе публики полной растерянностью, отчаяніемъ, и «всеобщей паникой», — какъ опредѣлилъ самъ Чеховъ. Пьеса провалилась шумно, скандально.

Впечатлѣніе, произведенное на Чехова этимъ невѣроятнымъ событіемъ, было огромное. И нужно было обладать чеховской выдержкой, — говоритъ г. Потапенко, — чтобы имѣть равнодушное лицо и почти равнодушно шутить надъ всѣмъ происшедшимъ. Авторъ воспоминавій пришелъ къ А. П. на другой день утромъ. Чеховъ писалъ письма. Чемоданъ его былъ уже уложенъ.

— Вотъ отлично, что пришелъ, — сказалъ А. П. — По крайней мѣрѣ, проводишь. Тебѣ я могу доставить это удовольствіе, такъ какъ ты не принадлежишь къ очевидцамъ моего вчерашняго триумфа... Очевидцевъ я сегодня не желаю видѣть.

— Почтовымъ?

— Нѣтъ, это долго ждать. Есть поѣздъ въ двѣнадцать.

— Отвратительный. Идетъ, кажется, двадцать два часа.

— Тѣмъ лучше. Буду спать и мечтать о славѣ... Завтра буду въ Мелиховѣ. А? Вотъ блаженство!.. Ни актеровъ, ни режиссеровъ, ни публики, ни газетъ. А у тебя хорошій шухъ.

— А что?

— Я хотѣлъ сказать: чувство самосохраненія. Вчера не пришелъ въ театръ. Мнѣ тоже не слѣдовало ходить. Если бы ты видѣлъ физиономіи актеровъ! Они смотрѣли на меня такъ, словно я обокралъ ихъ, и обхожили меня за сто сажень. Ну, идемъ...

Взяли извозчика и поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Тутъ Антонъ Павловичъ уже шутилъ и подсмѣивался надъ собой. Подошелъ газетчикъ. «Не читаю», — сказалъ ему А. П. Потомъ замѣтилъ спутнику:

— Посмотри, какое у него добродушное лицо, а, между тѣмъ, руки его полны отравы. Въ каждой газетѣ по рецензіи...

«— Конечно, — говорилъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ, — больше писать пьесъ не буду. Не моего ума дѣло. Вчера, когда шелъ изъ театра, высоко поднявъ воротникъ, шотать въ ноши, — кто-то изъ публики оказалъ: — это беллетристика, а другой прибавилъ: — и пренюхая; а третій спросилъ: кто такой этотъ Чеховъ? Откуда онъ взялся? А въ другомъ мѣстѣ какой-то коротенькій господинъ возмущался:

— Не понимаю, чего это дирекціи смотреть. Это оскорбительно — допускать такіе пьесы на сцену.

А я прохожу мимо и, держа руку въ карманѣ, складываю фигу: — на, молъ, скушай, вотъ ты и не знаешь, что это сказалъ я.

— А то, можетъ, раздумалъ. Антонъ Павловичъ, да останешься? — предложилъ г. Потапенко.

— Ну, нѣтъ, благодарю. Сейчасъ все придутъ и утѣшатъ будутъ. — съ такими людьми, съ какими провскамотъ дорогахъ родственниковъ на каторгу.

Антонъ Павловичъ уѣхалъ, во слѣдствіе автора воспоминаній, глубоко оскорбленный Петербургомъ.

Но онъ скоро преодолѣлъ свое тяжелое настроеніе. Прѣхавъ въ Мелихово, онъ ючасъ же сѣлъ за письма, и въ одномъ путливо пишетъ: «Дома у себя я принималъ касторки, умылся холодной водой, и теперь хоть новую пьесу пиши...»

Любопытно, что первая репетиція «Чайки» шла очень вяло. Антошъ Павловичъ, никакъ не замѣченный, пришелъ на одну изъ репетицій въ театръ и ушелъ изъ него подавленный. До спектакля оставалось пять дней, а половина исполнителей читали роли по тетрадкамъ; нѣкоторыхъ же вовсе не было на сценѣ; вмѣсто нихъ появлялся бородатый помощникъ режиссера и прочитывалъ послѣднія слова изъ репликъ. Когда режиссеръ упрекалъ актера, читающаго по тетрадкѣ: «Какъ вамъ не стыдно, до сихъ поръ роль не выучить!» — тотъ отвѣчалъ: «Не беспокойтесь, я буду знать свою роль».

«Ничего не выйдетъ, — говорилъ А. П. послѣ репетиціи. — Скучно, неинтересно, никому это не нужно. Актеры не заинтересовались, значитъ — и публику они не заинтересуютъ». — Онъ хотѣлъ даже снять совсѣмъ пьесу. Но одна изъ слѣдующихъ репетицій прошла блестяще. А. П. пришелъ къ самому началу. «Актеры его увидѣли, и на сценѣ произошло то непонятное и неподдающееся объясненію явленіе, — говоритъ Г. Потанинъ, — которое знакомо только актерамъ, и, можетъ быть, только русскимъ: чудо, иногда спасающее совсѣмъ проваливающуюся пьесу: безъ предварительнаго уговора — общій подъемъ, коллективное вдохновеніе, незримо сошедшіе съ неба огненные языки». Игра Коммиссаржевской была вдохновенной. Чеховъ былъ очень доволенъ. Исчезли все сомнѣнія и, казалось, что усебхъ пьесъ обезпеченъ. Генеральная репетиція прошла гладко, но вяло. Наканунѣ спектакля А. П. обѣдалъ съ Г. Потанинъ у Палкина, и, по его словамъ, какъ бы предчувствуя неуспѣхъ, сильно нервничалъ. Къ спектаклю прѣехали изъ Москвы Марья Павловна и еще кое-кто изъ близкихъ, и А. П. былъ отиикъ очень недоволенъ.

Слѣдующіе спектакли прошли при иномъ составѣ публики. Актеры оправились отъ своей растерянности, и пьеса шла съ успѣхомъ. Но А. П. относился къ сообщеніямъ объ этомъ скептически и рѣшительно не соглашался печатать «Чайку». Впрочемъ, обзоры «Чайки» дѣлали небольшие, и дирекція скоро сняла ее съ репертуара. Нисколько жить спуети «Чайка» снова появилась на сценѣ, уже съ совершенно иными успѣхами и иными сборами.